

Наступил Мэндун — первый месяц зимы, и темнеть стало раньше.

Едва минула середина часа Обезьяны, как прохладный, свежий воздух начал густеть и тяжелеть. Облака на небе, словно вторя этому настроению, сбились в плотные слои, и небо затянуло серой хмурой пеленой, не пропускавшей ни единого солнечного луча. Казалось, наступил уже час Собаки.

Впрочем, на обстановку в помещении это влияло мало. Фэн Цинцзя, долго корпевшую над иллюстрированной книгой, потянуло отдохнуть. Она случайно подняла голову и как раз заметила, как над горизонтом медленно надвигается длинная полоса угольно-черных туч.

Она на мгновение замерла, и в голове мелькнула мысль о том, что нужно было заранее снять одежду, сушившуюся во дворе.

Цзи-эр любила бегать где вздумается, сейчас её точно не было дома, а даже если бы и была, вряд ли стоило надеяться, что она вспомнит о таких мелочах, если ей не напомнить.

По канонам полагается чтить небо, землю, государя, родителей и наставников. Цзи-эр, будучи единственной дочерью её учителя, формально приходилась ей ровесницей, хотя была значительно младше. Однако, обладая проказливым и живым нравом, она вечно умудрялась брать над Фэн Цинцзя верх.

Фэн Цинцзя проворчала себе под нос несколько жалоб, чувствуя досаду.

Звук чтения в классе постепенно затих.

Только тогда она пришла в себя и заметила, что малыши в классе тоже начали отвлекаться. Мысленно упрекнув себя в лени, Фэн Цинцзя приняла строгий вид и ударила правой рукой по столу бамбуковой указкой. Звук эхом разнесся по комнате, прозвучав неожиданно чисто.

В небольшом классе мгновенно воцарилась тишина. Десяток пар глаз во все глаза уставились на неё.

Этим детям было по десять с лишним лет — самый трудный возраст. Они выглядели невинными, и ругать их не поднималась рука, но в житейских делах они были хитрее взрослых, удивительно тонко подмечали любую перемену в выражении лица или тоне голоса.

Глядя на них, Фэн Цинцзя всякий раз вспоминала непослушную Цзи-эр и невольно вздыхала, предпочитая закрывать глаза на мелкие шалости. В этот раз она сама витала в облаках и не подала достойного примера, отчего на душе стало ещё тоскливее.

Под пристальными взглядами учеников Фэн Цинцзя почувствовала неловкость и предпочла промолчать.

Ученики, впрочем, её не боялись.

У Фэн Цинцзя был болен правый глаз, который она постоянно закрывала повязкой, что на первый взгляд могло показаться пугающим. Но она всегда улыбалась, была мягкой и терпеливой. Ребята быстро раскусили характер учительницы и часто водили её за нос, а некоторые, сговорившись с Цзи-эр, и вовсе перестали чего-либо опасаться.

Сидевший ближе всех Чжан Юйгэ, прилежный ученик, пользовавшийся своим острым языком,

чтобы дружить с Цзи-эр, был своего рода маленьким шпионом и негласным предводителем. Увидев, что Фэн Цинцзя не спешит их отчитывать, он ухватился за момент:

— Учитель, моя матушка говорила, что сегодня может разразиться сильный ливень. Посмотрите, небо и впрямь не сулит ничего хорошего. Если пойдет дождь, дороги размокнут, станут скользкими, и нам будет трудно добраться домой. Вы так добры и наверняка переживаете, как бы кто из нас не упал, так не отпустить ли нас домой пораньше?

— Да-да, верно!

— Ой, учитель, я сегодня зонт не взял.

— Учитель, отпустите нас пораньше!

Класс дружно зашумел. Те, кто был поскромнее, молчали, но в их глазах читалось то же самое желание.

Надо сказать, единственная школа в уезде Гуаньюань стояла на отшибе, ближе к северу, а чуть поодаль начиналась густая гора Синшань. Стоило перевалить через неё и пересечь Малое море леса, как попадаешь в важный уезд провинции Линьчжоу — Янпэй.

Уезд Гуаньюань находился недалеко от Янпэя, но экономически сильно уступал, зато славился простотой нравов: жители ценили справедливость выше выгоды, и большинство людей жили здесь беззаботно и спокойно.

И вправду, язык без костей.

Воспользовавшись ситуацией, он объединил детей и не забыл польстить ей — отличная игра.

Фэн Цинцзя мысленно вздохнула: семья Чжан Юйгэ была не из бедных, вероятно, в будущем он пойдет на государственную службу.

Ранняя мудрость часто приносит лишь страдания, а чиновничья карьера полна опасностей.

В глазах Фэн Цинцзя промелькнула тень грусти.

— Юйгэ, твои слова разумны.

Фэн Цинцзя кивнула, но правой рукой снова взяла указку и постучала по столу.

В этот раз звук был тяжелее, глуше, под стать атмосфере снаружи.

Она понимала чувства учеников.

Мэндун — первый месяц зимы и последний месяц занятий в году, дети не могли не ждать каникул. К тому же из-за нехватки средств на отопление угольные жаровни в школе давно превратились в декорации, что не способствовало прилежанию. Реакция детей была вполне естественной.

Но понимание не означало согласие.

С таким легкомысленным настроением в науках не преуспеть.

Дети, только что радостно улыбавшиеся, понурились и надули губы.

— Отпустить вас пораньше можно, но уроки пропускать нельзя. Я дам вам задачу, и те, кто решит её, смогут идти домой.

Фэн Цинцзя улыбнулась, стараясь выглядеть мягко.

Лицо Чжан Юйгэ, похожее на фарфоровую куколку, тут же вытянулось.

Ван Цзи говорила, что погода меняется, и ей будто бы свыше было сказано, что госпоже Цинцзя не следует сегодня выходить из дома, поэтому она велела Чжан Юйгэ уговорить учительницу отпустить их пораньше.

Под пристальным взглядом Цзи-эр Чжан Юйгэ пришлось согласиться.

Проверка знаний затянулась, и они закончили даже позже обычного.

Когда Фэн Цинцзя прибралась в классе и заперла дверь, небо уже стало совсем черным. Вспомнив про белье во дворе и желая сэкономить время, она раскрыла толстый зонт из промасленной бумаги, закинула за спину узелок и зашагала быстрее.

С тех пор как в династии Цзы впервые в истории взошла на престол женщина, императрица Ван Вань, многие старые правила были отменены, включая бинтование ног. Статус женщин значительно вырос, и они стали часто занимать государственные должности — эта традиция сохранилась и в нынешней династии Чжу.

В противном случае Фэн Цинцзя точно не смогла бы выйти из дома.

На дороге ни души, да и в месяц Мэндун цветами не полюбуешься.

Трава вдоль обочины пожелтела, ожидая живительного дождя, чтобы умыться и напиться влагой.

У людей же были свои мысли, и Фэн Цинцзя явно не желала принимать небесную ванну.

Но, как назло, неприятности случаются именно тогда, когда их меньше всего ждешь.

— Учитель!

Женский голос донесся откуда-то издалека и тут же был заглушен ветром.

Однако чувство долга не позволило Фэн Цинцзя притвориться, что она не слышала.

Для преподавания она носила длинный халат с широкими рукавами, под которым был ватник. При ходьбе ветер задувал в рукава, и по телу бежали мурашки.

Услышав оклик, Фэн Цинцзя остановилась, и ей сразу стало немного теплее.

Её правый глаз был закрыт, но левый видел хорошо: она разглядела высокую женщину в алом платье с развевающимися волосами; фигура незнакомки казалась очень хрупкой.

Женщины провинции Линьшань обычно носили зеленые одежды и были искусны в верховой езде и стрельбе из лука, а волосы укладывали в прически.

Никто из её знакомых так не одевался.

Фэн Цинцзя взялась за зонт второй рукой и ускорила шаг.

Эта женщина звала её, должно быть, что-то случилось.

Правда, Фэн Цинцзя не была уверена, обратились ли к ней Учитель, зная, что она преподает, или же приняли за мужчину — издалека, да ещё в зимней одежде, это было немудрено.

На душе стало как-то неуютно.

И тут долгожданный дождь, наконец, хлынул стеной. Будто этого было мало, сверкнула яркая молния и прогремел гром.

Женщина, испугавшись резкого звука, повалилась на землю, её полы платья спутались, вид она имела самый жалкий.

Фэн Цинцзя была уже совсем рядом. Сердце сжалось, она, забыв о себе, поспешила укрыть женщину зонтом и склонилась, чтобы проверить, не ранена ли та.

— Я подвернула ногу.

Голос женщины был тихим, почти призрачным в шуме дождя, но звучал решительно.

Холодные капли падали на Фэн Цинцзя, быстро промочив спину, отчего она продрогла до костей.

Фэн Цинцзя вздрогнула; холод, пробравшийся за шиворот, напомнил ей завязку страшной сказки.

Иногда те, кто выглядит жертвой, на деле вовсе не так слабы.

Впрочем, она читала книги мудрецов и никогда не совершала зла, так что бояться было нечего.

Лишь после этих мыслей Фэн Цинцзя по-настоящему взглянула на женщину.

Есть красавица, один раз увидишь — не забудешь.

Сердце будто коснулась ивовая ветвь, покрытая каплями утренней росы — чувство было невыразимым.

Фэн Цинцзя остолбенела.

Пока до её слуха не донесся смеющийся голос:

— Я подвернула ногу. Господин учитель, не окажете ли мне помощь?

Фэн Цинцзя кивнула, проявив осторожность, достойную императорской столицы Цанпин, и тихо спросила:

— Не подскажете, где ваш дом? Далеко ли отсюда?

— Неблизко. Сейчас дождь, дороги размыло, а Цзяньэр ранена. Не согласитесь ли вы приютить меня на одну ночь?

В словах женщины сквозило веселье, а названное имя служило представлением. Она подняла

лицо, не мигая, уставилась на Фэн Цинцзя и протянула ладонь, на которой лежал сверкающий золотой слиток.

— Это небольшая плата в знак благодарности.

— Помощь не требует награды, а добро не ждет оплаты. Вы преувеличиваете, госпожа Цзяньэр.

Фэн Цинцзя ответила, протягивая ручку зонта и подталкивая её к пальцам Цзяньэр, на которых лежал слиток, давая понять, чтобы та его прибрала. Цзяньэр взялась за ручку зонта, и их пальцы неизбежно соприкоснулись — она словно помедлила, задержавшись на мгновение.

Фэн Цинцзя опустила голову; белая повязка на правом глазу намокла от дождя и сильнее прилипла к лицу, но под ней по-прежнему ничего нельзя было разглядеть.

Капли дождя стекали по волосам Фэн Цинцзя, одни скатывались по щекам на землю, другие затекали за воротник, вызывая неприятную дрожь.

— Госпожа Цзяньэр, укутайтесь получше, не хватало еще простудиться. Мой дом недалеко. Если вы не сочтете это дерзостью, я готова донести вас на спине.

Фэн Цинцзя говорила серьезно.

— Вы благородны, учитель.

Цзяньэр поднялась, послушно закуталась в одежду, сделала несколько неловких шагов и взобралась на спину Фэн Цинцзя.

— Прошу прощения за беспокойство.

— Какой тяжелый зонт.

Цзяньэр обеими руками держала зонт, едва справляясь. Если присмотреться, ручка и спицы казались крупноваты, а при легком покачивании слышался едва уловимый звук. Поразмыслив, она всё поняла.

— Дождь сильный, лучше зонт потяжелее.

Фэн Цинцзя ответила небрежно, не придавая этому значения, и слегка согнулась, чтобы нести Цзяньэр было удобнее.

Руки Цзяньэр обвили её шею.

Её длинные волосы, намокшие от дождя, естественно прилипли к ним обоим, словно пятно чернил, растекшееся по бумаге, или повилика, вцепившаяся в опору.

Цзяньэр плотно обхватила её ногами, прижавшись всем телом к спине Фэн Цинцзя, будто боясь упасть.

Фэн Цинцзя знала, что она худошавая и не выглядит надежной опорой, поэтому промолчала.

Возможно, из-за спертых воздуха обстановка казалась гнетущей, сердце Фэн Цинцзя сжимала тревога, а лицо стало суровым.

В нос ударил отчетливый запах крови.

Она невольно ускорила шаг.

Фэн Цинцзя жила в уезде Гуанъюань уже год и отлично знала дорогу.

Арендованный ею дом был недалеко от школы, всего через пару кварталов, но под дождем путь казался вдвое длиннее, не говоря уже о том, что на спине была хрупкая девушка.

Фэн Цинцзя не решалась бежать, боясь тряски. К счастью, дождь лил стеной, но ветра почти не было, а Цзяньэр оказалась легкой, так что добрались они благополучно, не угодив в грязь.

Через пару чашек чая, завидев дом, Фэн Цинцзя непривычно громко позвала:

— Цзи-эр! Цзи-эр! Выходи, помоги!

Едва она закончила, как десятилетняя девочка, ловко накинув плащ из пальмовых листьев и обув дождевые сапоги, выбежала наружу.

Цзяньэр сразу заметила на её поясе вышитый мешочек с тигром — фасон был староват, узор напоминал те, что любили в Хуаньсуре, а техника вышивки походила на работу мастерицы Чжоуяо.

— Я помогу этой госпоже войти в дом, а ты приготовь угли и еду.

Ван Цзи мгновенно оценила обстановку. Она, приподнявшись на цыпочки, помогла Цзяньэр слезть со спины Фэн Цинцзя, сохраняя невозмутимость и улыбку, и при этом успевала отдавать распоряжения:

— Сегодня будем готовить рыбу в кисло-сладком соусе.

Фэн Цинцзя вытерла лицо и, кивнув, бросилась под дождь во двор.

— Моя одежда! Одежда!

<http://bllate.org/book/21759/2250155>